Зимняя Ведьма

Элейн КаннингемГлава шестая: Последнее прощание

Лязг деревянного станка манил Деклана задолго до того, как он вошел в лавку Иседоры. Он на мгновение остановился в открытом дверном проеме, чтобы понаблюдать за работой ткачихи. Стройная и бледная, с темными волосами откинутыми назад и перевязанными ленточкой, она мало чем отличалась от той девушки, что ходила по пятам за Асмондом, сколько Деклан себя помнил. А поскольку он и сам частенько таскался за братом, Иседора казалась ему скорее сестрой, чем подругой.

"Одна тень, две части", - сказал он.

Взгляд женщины переместился на его лицо, и на ее лице расцвела приветливая улыбка. Она тут же оторвалась от своей работы и бросилась в объятия Деклана.

Он прижал ее к себе, переполненный знакомым чувством облегчения и благодарности. Она могла бы возненавидеть его за то, что сделал с ней его брат, или отказаться иметь с ним что-либо общее. То, что она этого не сделала, было для Деклана счастьем и постоянным изумлением.

"Ты душишь меня", - сказала она ему на ухо.

Деклан отпустил ее и отступил назад. "Где моя маленькая девочка?"

"Спит". Это слово прозвучало со вздохом.

Деклан заметил тени под глазами Иседоры. Ее дочь всегда бодрствовала по ночам, а днем ее было трудно разбудить. Деклан никогда не слышал, что такое часто встречается среди детей хеллспауна, но ему казалось логичным, что инфернальная кровь может вызывать глубокую привязанность к ночи.

"Ты не можешь спать, когда она спит, и работать, пока она бодрствует?"

Язвительная улыбка приподняла один уголок губ Иседоры. "Это было бы трудно с любым пятилетним ребенком, а уж тем более с такой чертовкой, как моя Роза".

Она говорила совершенно искренне и с большой любовью. Деклану показалось, что ее описание Розы было ничем не лучше того, что мог бы сказать любой любящий и уставший родитель.

"Могу я заглянуть к ней?"

Иседора наклонила голову в сторону зашторенного алькова в задней части магазина.

Он не старался идти тихо. Если стук и грохот ткацкого станка не разбудил ребенка, то шаги вряд ли потревожат ее сон. Он отодвинул занавеску и взглянул на коренастую девочку, раскинувшуюся на кроватке.

Некоторые хеллспауны могли бы принять ее за человека, но один взгляд говорил о происхождении Розы. Ее широкое лицо напомнило Деклану незаконченную скульптуру, все острые углы и строгие плоскости, а кожа была насыщенного розового цвета, граничащего с пунцовым. Длинные блестящие локоны того же оттенка рассыпались по подушке. Если бы не

ее цвет кожи и необыкновенно красивые волосы, Роза не выглядела бы неуместной, присев на фоне галереи каменных горгулий на крыше.

Иседора подошла к Деклану сзади и положила подбородок ему на плечо. "Она прекрасна, не правда ли?"

У большинства людей такие слова могли бы вызвать иронию или, в лучшем случае, мольбу о заверении. Иседора имела в виду то, что сказала.

Деклан отпустил занавеску. "Она никогда не затмит свою мать, но кто мог бы надеяться на это?"

"Лжец", - сказала Айседора ему на ухо.

"Я предпочитаю "очаровашка".

"То же самое".

Она отошла и налила две чашки воды из запотевшего кувшина. Деклан взял свой, с благодарностью осушил его и протянул за добавкой.

Иседора приподняла одну бровь. "Долгая ночь?"

"Очень, но разврат не играл в ней никакой роли". Он опустошил вторую чашку. "Я уеду ненадолго, Иззи".

Женщина кивнула и подняла руку, чтобы убрать прядь волос за ухо. Она заметила, что Деклан наблюдает за ней. Запоздало он скрыл гримасу боли со своего лица.

"Я все время забываю, что уха нет", - сказала она негромко.

Деклан никогда не забудет. И никогда не простит. "Иногда я жалею, что Асмонд мертв..."

"Я всегда жалею об этом", - сказала она. "И всегда буду. И это все, что нужно сказать".

Не было времени снова идти по этому пути - и, Деклан должен был признать, не было смысла. Он кивком согласился с ее словами и потянулся в карман за маленькой красной кожаной сумкой, которую купил по дороге.

"Это для Розы".

Иседора приняла подарок с улыбкой, которая застыла, когда она услышала звон монет внутри.

"У нас все хорошо, Деклан. Мне не нужны твои деньги".

"Надеюсь, ты все равно примешь их".

Женщина вздохнула. "Ты не отвечаешь за меня и Розу. Ты не отвечаешь за своего брата".

Деклан не был уверен в этом, но ответил пожимая плечами и легко улыбаясь. "У меня были деньги, и мне приятно время от времени делать Розе небольшие подарки".

"Ты избалуешь ее".

"Баловать Розу - это полностью в моих правах как ее дяди".

Это вызвало неохотную улыбку Иседоры. "В таком случае, спасибо".

"Это не много, но должно хватить на деревянный меч для тренировок и пять или шесть уроков с моим старым мастером меча. Если Роза возьмется за меч, как я думаю, он с радостью научит ее всему, что знает, и никогда не попросит больше медной щепотки".

"Это ей подойдет". Она сделала паузу, чтобы мимолетно улыбнуться. "Это может даже примирить ее с несколькими часами дневного света. Еще раз спасибо".

Деклан по-сестрински поцеловал ее в каждую щеку и вышел из магазина. Серый жеребец поднял поникшую голову и бросил на Деклана укоризненный взгляд. Тот энтузиазм, с которым лошадь отнеслась к неожиданному полуночному упражнению, давно угас.

Он похлопал животное по шее. "Еще пара поручений, и мы отправимся на поиски торгового каравана. Он отправится только завтра, так что ты сможешь хорошенько отдохнуть".

Когда Деклан забрался в седло, лошадь вздыбилась и зафыркала, но шла достаточно бодро. У него даже хватило энергии, чтобы с интересом разглядывать подходящую пару кобыл, прицепленных к гостевой повозке, ожидавшей у ворот "Резвого Единорога".

Деклан привязал жеребца к перилам на безопасном расстоянии и начал спускаться по усыпанной цветами дорожке. Он кивнул крупной, суетливо одетой матроне, которая плыла к карете, зажав в одной пухлой руке маленький пелисс.

Она остановилась совсем рядом с Декланом и отмахнулась от него свободной рукой.

После первого испуганного мгновения Деклан понял, что она смотрит мимо него. Он повернулся и увидел Скайвинга, сидящего на железной ограде.

"Один из домашних дрейков, живущих в "Единороге", - заверил женщину Деклан. "Это Скайвинг. Он безобидный".

"Он вор", - прошипела она. "Все они такие. Я понятия не имею, почему это... этот притон так рекомендовали".

Здесь хорошие сыры, - заметил Скайвинг. И мышей много.

Не нужно мне помогать, - тихо попросил Деклан. Он обратился к женщине: "Ты что-то потеряла?".

Выражение ее лица сжалось от надменного раздражения. "Не понимаю, какое это имеет отношение к вам".

Деклан поклонился. "Мой отец, Нагашар Авари, хочет услышать о любых неприятностях, с которыми может столкнуться гость".

Или создать, - добавил Скайвинг, вторя мыслям самого Деклана.

"Я с удовольствием провожу тебя к нему. Если есть повод для жалобы, вопрос будет улажен, уверяю тебя".

Взгляд гостя метнулся в сторону кареты. "В этом нет необходимости. Будьте добры,

пропустите, меня ждут в Кендалле".

"Возможно, тебе стоит обратиться к своему календарю", - сказал он. Вчерашнее полуночное представление "Алого Ворона" было последним. Между ними всегда есть несколько дней, чтобы сменить декорации, провести репетиции и так далее. Если что-то из ваших вещей пропало, у тебя будет достаточно времени, чтобы проверить свою комнату. Я позову экономку, чтобы она помогла тебе".

Прежде чем она успела запротестовать, Деклан протянул руку к звонку, висевшему на крыльце в тени. Дверь тут же открылась. Женщина средних лет с седыми волосами и глазами сборщика налогов встала рядом с Декланом. У него сложилось впечатление, что она отправилась в путь задолго до его звонка.

"Позвольте, я возьму это для вас", - сказала экономка, потянувшись за пелиссой.

Гость передал ее. Деклан не удивился. Он встречал морских капитанов, чье присутствие на борту собственных кораблей было менее властным. Если бы экономка "Резвого Единорога" велела адскому рыцарю отдать доспехи, он, скорее всего, разделся бы до нижнего белья, прежде чем задал бы ей вопрос.

"Так, может быть, я могу чем-то помочь мадам, пока она не рассчиталась?"

На круглом лице гостя промелькнуло выражение покорности. "Нет, ничего".

Пока экономка заводила потенциальную проказницу в трактир, Скайвинг перелетел и уселся на витиеватую деревянную обшивку, ниспадавшую, как кружево, с крыши крыльца.

Не могу найти Сильвану, горевал он.

"Кажется, я знаю, куда ее увезли. Завтра утром я отправлюсь на север".

Дракон наклонился вперед, готовый броситься в полет. Хочу с тобой.

Деклан покачал головой. "Путешествие будет долгим и опасным".

Я хочу помочь, настаивал Скайвинг.

"Ты можешь присматривать за всем здесь для меня".

Маленькое существо выгнуло крылья и зашипело. Деклан помрачнел.

"Ты уже помог, - сказал Деклан, - прогнал беса, разобрался с городской стражей. Не знаю, что бы я делал без тебя, но, думаю, дальше я справлюсь".

Скайвинг не стал ничего комментировать, но сомнение, овладевшее разумом Деклана, было красноречивее слов. Дракон спрыгнул со своего насеста и взмахнул крыльями в сторону башенки гостиницы.

"Преимущество заниженных ожиданий, - ворчал Деклан, поднимаясь по лестнице, - в том, что они так редко разочаровывают".

Знакомый запах полированного дерева приветствовал его в доме детства, а когда он поспешил по коридору, то уловил пряный аромат пирогов, которыми славился "Единорог". Последнее творение повара стояло на украшенном цветами столе прямо перед обеденным салоном.

Тонкий слой помадки, искусно вырезанный в виде узора, в котором смешались цветы и звезды, покрывал темную глазурь. Это было далеко не то съедобное искусство, которым занималась его мать, но все же достаточно хорошо, чтобы поддержать репутацию, которую она создала.

Он тихо прошел мимо кабинета и направился к узкой круговой лестнице, поднимавшейся на единственную башенку трактира. По давней привычке он считал ступени по мере подъема. Пыль начала собираться около пятьдесят третьей. Никто, даже бесстрашная экономка трактира, не мог найти убедительной причины, чтобы войти в логово дрейков.

Там его ждал Скайвинг, а также несколько дрейков, которых Деклан знал с детства. Большинство из них грелись на лучах полуденного солнца, но несколько подняли головы и молча поприветствовали его. Одна из них, маленькая рыжая самочка, спрыгнула на пол и защитно расправила крылья над небольшой кучкой блестящих предметов.

Не крала, защищаясь, сказала она. Но теперь он мой.

Деклан посмотрел в сторону Скайвинга.

Ухаживает, четко произнес дрейк.

Времени на лекцию о правилах внутреннего распорядка не было. Деклан снял пустое гнездо с одного из оконных сидений, опоясывающих башенную комнату. Подняв крышку, он обнаружил внутри небольшой деревянный сундук. Как он и ожидал, замок на нем был сломан.

Он открыл сундук и уставился на содержимое - одну-единственную книгу. Она была достаточно маленькой, чтобы поместиться в карман, недорого переплетена в кожу сапожного качества и скреплена небольшим ремешком и замком. Короче говоря, это была такая вещь, которую путешественник со скромным достатком мог бы использовать для записи своих наблюдений или молодая девушка для своих романтических мечтаний. Замок тоже был сломан.

Деклан взял книжечку и полистал страницы. Здесь было больше заклинаний, чем он помнил, но все же едва ли достаточно, чтобы заинтересовать волшебника, приближающегося к концу обучения в Акадамае. Книга заклинаний была самой ценной вещью волшебника, но когда Асмонд разграбил сундук с разным хламом, накопленным Декланом за годы работы в Теуманексусе, он оставил книгу заклинаний своего младшего брата. Асмонд счел более ценными анимированные перекидные книги.

Деклан задумался, не убил ли Джаманг Асмонда ради этих книг. Маловероятно, решил он. Скорее всего, Джаманг был просто первым падальщиком на месте преступления. Амбиции Асмонда были слишком высоки, а риск, на который он шел, слишком велик. Деклан почти не сомневался, что судьба его брата, какой бы она ни была, свелась к тому, что он выпил сваренный им эль.

Книга волшебника, заметил Скайвинг, его тихие слова были полны удивления и уважения. Твоя?

"Уже нет". Деклан швырнул книгу обратно в сундук. "Я больше не пойду по этому пути".

Путь, ведущий к Сильване?

Деклан подозревал, что замечание дракона не было ни таким резким, ни таким обвинительным, каким его мог бы сделать Скайвинг. Тем не менее, он попал ему прямо в глаз.

Он опустился на сиденье у окна и запустил обе руки в волосы.

Больше никакой магии. Он дал себе клятву в тот день, когда нашел Иседору, почти мертвую от того, что произошло после неудачного призыва Асмонда. То, что его брат попытался связать себя подобным образом, было достаточно плохо. То, что он бросит Иззи, когда попытка провалится, было просто немыслимо.

Деклан снова напомнил себе, что он не такой, как его брат. Во-первых, у него не было и половины таланта Асмонда. Изучение волшебства никогда не было легким, но Деклан боролся с ним так, как никогда не боролся ни с одной другой дисциплиной. Если великое искушение приходит только с великим талантом, он должен быть в полной безопасности.

И даже если это не так, разве конец не стоит риска? Ему казалось, что если он отвернется от Сильваны, чтобы спасти себя, это уничтожит все остатки добродетели, которую он пытался сохранить.

Загадка, согласился Скайвинг.

Деклан резко поднял голову. "Я говорил не с тобой".

Откуда я мог это знать? Ты очень громко думал.

"Раз уж мы это обсуждаем, у тебя есть свое мнение?"

Предсказание, ответил дракон. Ты сделаешь то, что должен сделать, что бы это ни было.

Деклан не мог найти аргументов для этого импровизированного афоризма. Он достал из сундука книгу заклинаний и сунул ее в карман.

Он поднялся по лестнице на главный этаж и постучал в дверь кабинета. Его отец поднял глаза от книги, над которой размышлял.

Большинство людей сочли бы Нагашара Авари красивым мужчиной. Высокий и крепко сложенный, он обладал обилием волнистых черных волос и сильным лицом с гордым орлиным носом. Он также был старше и немного толще своего старшего сына. Деклан напомнил себе, что неразумно обвинять его в этом.

Кабинет представлял собой опрятную комнату, противоположную тем, в которых устраивали свои логова учителя Деклана. Если волшебники и астрономы были мастерами беспорядка, их столы окружали пики стопок книг, развалины безделушек и недоеденных обедов, то в кабинете Нагашара было чисто и свободно. На его столе лежали только бухгалтерская книга и чернильница на промокашке. Единственная лампа в комнате висела над столом без света, но солнечные лучи, проникавшие через высокое окно, показывали, что в каждом углу комнаты нет ни пыли, ни паутины. У стены стоял закрытый сервант, где Нагашар хранил записи трактира и свои личные бумаги.

Единственный намек на убранство комнаты - пара изысканных пейзажей из бумаги, каждый из которых был вставлен в рамку и закреплен под стеклом на поле из темного шелка. Каждый из них состоял из сотен порванных вручную бумажных обрывков, которые мать Деклана сделала, сварив выброшенные бухгалтерские книги, контракты и письма. Каждая работа была разного оттенка белого, часто с тонкими нитями или осколками стекла, смешанными с восстановленной бумагой. Искусство заключалось в выборе и форме каждой измельченной вручную полоски, наклеенной и наложенной на фон из чистого белого пергамента. Оба

пейзажа изображали заснеженные холмы, которые вдали становились все более бесплотными. Каждый раз, глядя на них, Деклан испытывал дрожь. Это были самые прекрасные вещи в трактире.

"Я ненадолго покину город", - без предисловий сообщил Деклан отцу.

Нагашар откинулся в кресле. "О?"

"Мне предложили работу, которая требует путешествий".

Брови его отца поднялись. "Рисовать карты?"

"Да".

"Как так? У тебя нет ни лицензии гильдии, ни реального опыта, если уж на то пошло. Ты даже не закончил свое ученичество у астронома!".

"Баша, похоже, это не волнует".

"Да, я слышал о картах Баши", - мрачно сказал старший Авари. "Работа на этого негодяя никак не укрепит твою репутацию".

"Это законная карта и хорошая возможность. Я намерен ею воспользоваться". Деклан сложил руки. "Ты уже много лет говоришь мне, что нужно быть практичным. Можно подумать, ты будешь доволен".

"Я вовсе не недоволен". Лицо его отца приобрело знакомое, тоскливое выражение. "Тем не менее, твоя мать хотела, чтобы ее сыновья изучали магию. Ты обещал это сделать".

"Асмонд дал обещание за нас обоих", - напомнил ему Деклан. "Мне тогда было десять лет. Так или иначе, я потратил несколько лет впустую в Теуманексусе".

"Теуманексус", - с отвращением сказал Авари. "Асмонд учился в Акадамае".

"И умер там", - отмахнулся Деклан. "Один из многих, кто стал трупом, а не волшебником".

"Молодые солдаты гибнут в бою, молодые волшебники сгорают в пламени магии. Это трагический факт амбициозной жизни".

"Как по мне, истинная трагедия в том, что многие выживают после обучения".

Нагашар поднялся из-за стола, дрожа от ярости. "Это презренная вещь, чтобы так говорить".

"Правда? Назови хоть одного волшебника, которым ты восхищаешься. И не из-за его власти, богатства или славы".

"Все эти вещи достойны восхищения".

"Хорошо, тогда назови хоть одного арканиста, которому ты мог бы доверять. Только одного".

"Твоя мать!" прорычал Нагашар.

Спор прервался. В течение многих мгновений ни один из мужчин не мог собрать достаточно осколков, чтобы превратить их в мысли, не говоря уже о словах.

Старший из мужчин медленно опустился на свое место. Деклан и сам чувствовал себя не слишком уверенно. Это откровение не соответствовало его воспоминаниям о матери, а за последнее время из-под его мальчишеских предположений было выбито слишком много подпорок, чтобы приветствовать еще одну. Более того, он понимал, что в Корвосе не принято скрывать магические способности без веских на то причин.

"Это правда?"

"Да", - медленно ответил Нагашар. "Но это должно было остаться невысказанным".

"Почему?"

Его отец просто покачал головой. Как он часто делал во время сильных эмоций, он потянулся к изящному фарфоровому флакону, который висел на цепочке у него на шее. В пузырьке хранилась костная пыль его жены - по мнению Деклана, жуткий сувенир, который по негласному соглашению оставался семейной тайной.

"Твоя мать хотела, чтобы ты научился использовать и понимать магию", - сказал Нагашар. "У нее были свои причины".

"Я уверен, что были. Несомненно, они похожи на обычные: власть, богатство, уважение".

"Ты винишь ее за то, что она хотела всего этого для своих сыновей?"

"Вовсе нет. Мать лучше других знала, как трудно художникам зарабатывать на жизнь в Корвосе. Она, которая могла создать вот это" - Деклан жестом указал на один из бумажных пейзажей в рамке - "была известна как декоратор тортов".

"А ты был бы известен как картограф".

"Возможно, корвосанцы не являются щедрыми покровителями какого-либо искусства, кроме театра, но они ценят карты и кондитерские изделия. Как и моя мать до меня, я буду делать то, что должен, чтобы проложить себе путь в этом мире, а оставшиеся часы потрачу на создание искусства, которое доставляет мне удовольствие".

"И это вся сумма твоих амбиций?"

На мгновение Деклана охватило искушение рассказать отцу о Сильване и своей решимости спасти ее. Нагашар назвал бы это мимолетным безумием. Деклан слишком хорошо знал, к чему может привести этот разговор. Поэтому он просто пожал плечами.

"Что еще я могу тебе сказать? В конце концов, я сын Перниллы Авари".

Нагашар помахал маленькой склянкой. "Именно этого я и боюсь".

Деклан долго рассматривал своего отца. "Чего же ты мне не договариваешь?"

Старший мужчина сделал видимое усилие, чтобы взять себя в руки. "Горе и благословение моих лет, - начал он, - в том, что я понял, что большинство сожалений в жизни сосредоточено не на том, что человек сделал, а на том, что он не сделал. Это то, от чего я хотел бы избавить вас, если бы мог. Твоя мать считала, что для ее сыновей важно овладеть магией. Я согласился с ней. И до сих пор согласен".

Деклан вздохнул. "При всем уважении, отец, ты должен оставить это. Я не мой брат. Я любил

Асмонда, но я презирал то, чем он стал. И это мое последнее слово по этому вопросу".

Он повернулся и пошел к двери.

"Куда это ты собрался?" - потребовал его отец.

"Белый трон". Деклан бросил ответ через плечо и плотно закрыл за собой дверь.

Подписывайтесь и поддержите мой небольшой проект!

Вконтакте: https://vk.com/ttrpgs

Бусти: https://boosty.to/ttrpgs

Спасибо за внимание!

Перевод: Senar

Pathfinder Tales 02 – Зимняя Ведьма, Элейн Каннингем (2010)

Pathfinder Tales 02 – Winter Witch, Elaine Cunningham (2010)

http://tl.rulate.ru/book/62477/1628651